

УДК 159.983:616/618+616-006

EDN QTYVFX

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-2-68-87

Игнатова Екатерина Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент,

заведующий кафедрой общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

131013@mail.ru

Scopus AuthorID: 57205265478

SPIN-код: 5344-3333

Хабирова Арина Владимировна,

выпускник специальности «Клиническая психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

speholog@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлен систематический обзор исследований, посвященных выявлению различий в подходах к изучению феномена «эмоциональная безопасность». Для проведения обзора была использована методология PRISMA. В рамках указанной методологии осуществлен поиск статей по базам данных eLibrary.ru и Google Scholar на основе ключевых слов. Из 121 найденной работы за период 1954–2023 гг. после прохождения этапов идентификации, скрининга и проверки на приемлемость в качественный синтез были включены 69 исследований. Согласно результатам анализа, в научном поле сформировались два магистральных направления: эмоциональная безопасность среды (48 работ, 69,6 %) и эмоциональная безопасность личности (21 работа, 30,4 %). В первом направлении доминирует модель Davies & Cummings (EST), во втором три подхода: чувство защищенности, состояние уверенности, способность к регуляции. Выявлено различие в тематическом фокусе: американские исследователи преимущественно изучают эмоциональную безопасность в семейном контексте (влияние конфликтов родителей на адаптацию ребенка), тогда как российские в образовательном (психологический климат школы, отношения «учитель ученик»). При этом интеграция средового и личностного подходов представляется наиболее перспективным направлением, поскольку двухуровневая диагностика, учитывающая параметры окружения и внутренние ресурсы личности, создает основу для комплексных интервенций в клинической и образовательной практике, включая профилактику кибервиктимизации.

Ключевые слова: эмоциональная безопасность, систематический обзор, PRISMA, образовательная среда, семейный конфликт, психологическое благополучие, тревожность, эмоциональная регуляция, межродительские конфликты, дети

Ссылка для цитирования: Игнатова Е.С., Хабирова А.В. Эмоциональная безопасность: систематический обзор зарубежных и отечественных исследований // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2026. № 2(17). С. 68–87. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-2-68-87> EDN QTYVFX

Ekaterina S. Ignatova,

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Head of the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University,
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
131013@mail.ru
Scopus AuthorID: 57205265478
SPIN-code: 5344-3333

Arina V. Khabirova,

Graduate of the "Clinical Psychology" Program,
Perm State National Research University,
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
speholog@yandex.ru

EMOTIONAL SECURITY: A SYSTEMATIC REVIEW OF FOREIGN AND DOMESTIC STUDIES

This article presents a systematic review of studies focused on identifying differences in approaches to studying the phenomenon of "emotional security". The review was conducted using the PRISMA methodology. Following this methodology, articles were searched in the eLibrary.ru and Google Scholar databases using keywords. Out of 121 works identified for the period 1954–2023, 69 studies were included in the qualitative synthesis after undergoing identification, screening, and eligibility assessment. According to the analysis results, two main directions have emerged in the scientific field: emotional security of the environment (48 works, 69.6 %) and emotional security of the personality (21 works, 30.4 %). The Davies & Cummings model (EST) dominates in the first direction, while the second features three approaches: sense of security, state of confidence, and regulatory ability. A difference in thematic focus was identified: American researchers predominantly study emotional security in the family context (the influence of parental conflicts on child adaptation), whereas Russian researchers focus on the educational context (school psychological climate, "teacher-student" relationships). Meanwhile, the integration of environmental and personal approaches appears to be the most promising direction, as two-level diagnostics, accounting for environmental parameters and internal personal resources, provides a foundation for comprehensive interventions in clinical and educational practice, including cybervictimization prevention.

Keywords: emotional security, systematic review, PRISMA, educational environment, family conflict, psychological well-being, anxiety, emotional regulation, interparental conflict, children

For citation: Ignatova E.S., Khabirova A.V. [Emotional security: a systematic review of foreign and domestic studies]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 2(17), pp. 68–87 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-2-68-87>, EDN QTYVFX

Введение

Потребность в безопасности является базовой потребностью человека [15], возникающей с рождения и обеспечивающей развитие личности и реализацию ее потенциалов. Эмоциональная безопасность как проявление этой потребности формируется в раннем онтогенезе [20] и связана с психологическим благополучием, более низким уровнем тревожности и эффективной адаптацией к новым условиям [18; 27].

В современных условиях кризисной социальной ситуации [5] стрессовое состояние становится повседневным, что повышает риск увеличения нервно-психического напряжения. При этом эмоциональная безопасность необходима не только для психологического, но и для физического благополучия: гиперконтроль безопасного поведения может непреднамеренно снижать эмоциональную безопасность, усиливая стресс и беспомощность [46]. В этом контексте потребность в безопасности выполняет мобилизационную функцию, направленную на достижение состояния покоя и комфорта [33].

Феномен эмоциональной безопасности изучается с середины XX в., однако в научном поле отсутствует единое понимание его содержания. С позиций системного подхода человек существует как «элемент» одновременно в множестве разнопорядковых физических, биологических и социальных систем, в которых им проявляются и приобретаются присущие этим системам качества. Системные социальные качества человека производятся в процессе его включения в социальные системы и не принадлежат ему как биологическому индивиду вне этих отношений [3]. Эмоциональная безопасность конституирует взаимоотношения между личностью и средой, не сводясь ни к одному из этих полюсов в отдельности [12]. Именно в диалектическом единстве «личность среда» заложен механизм формирования и развития этого феномена. Прилагательное «эмоциональный» позволяет выделить чувственную составляющую безопасности, определить ее психологическое содержание и обозначить границы эмоциональных отношений личности со средой [13]. Несмотря на эвристический потенциал конструкта, в научном поле отсутствует единое понимание его операционализации, что затрудняет сопоставление результатов эмпирических исследований. Терминологическая вариативность (*emotional security* vs *emotional safety*) и изолированное описание подходов в существующих обзорах создают методологический разрыв, который требует преодоления через сравнительный анализ. Проведение сравнительного анализа двух подходов позволяет приблизиться к пониманию человека как элемента, живущего одновременно в множестве систем семье, школе, социуме, и раскрыть полисистемную природу эмоциональной безопасности. Как отмечают D. Veale и соавт., «без эмоциональной безопасности нет безопасности вообще» (*no safety without emotional safety*) [46], что подчеркивает необходимость интеграции средовых и личностных факторов.

Целью данной работы является сравнительный анализ двух подходов к изучению эмоциональной безопасности (среда vs личность) для выявления различий в предметном поле, методическом аппарате и контекстуальных особенностях исследований.

Методы

Для достижения поставленной цели использовался метод систематического обзора с применением методологии PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) [40]. Протокол обзора (критерии включения, поисковые запросы, план анализа) фиксировался до начала сбора данных, что минимизировало риск субъективности и предвзятости. Объектами изучения являлись результаты оригинальных исследований.

Этапы проведения систематического обзора. Работа осуществлялась в пять этапов: 1) обоснование проведения исследования, решение организационных задач; 2) разработка протокола обзора (формулирование проблемы, цели исследования, разработка критериев включения/исключения работ, составление плана обзора); 3) поиск и отбор исследований; 4) извлечение данных; 5) анализ и синтез данных.

Источники и поисковый запрос. Поиск исследований проводился в базах данных Google Scholar и Elibrary.ru. Для проведения систематического обзора были отобраны эмпирические и теоретические исследования, опубликованные на русском и английском языках.

Для поиска использовались следующие ключевые слова: «эмоциональная безопасность», «*emotional security*», «*emotional safety*», «W.E. Blatz». Выбор ключевых слов

обусловлен необходимостью охватить терминологическую вариативность феномена. В англоязычной литературе наблюдается смысловое различие между понятиями «emotional security» (акцент на защищенности в отношениях, привязанности, среде) и «emotional safety» (акцент на субъективном переживании, состоянии). В отечественной традиции используется термин «эмоциональная безопасность», который охватывает оба аспекта (среды и личности). Дополнительно использовался запрос «W.E. Blatz», т. к. его имя часто ассоциируется с ранними исследованиями эмоциональной безопасности.

Критерии включения и исключения. Отбор источников проводился согласно критериям, определенным в протоколе обзора (см. табл. 1).

Таблица 1. Критерии включения и исключения исследований в обзор

Критерии включения	Критерии исключения
Работа посвящена теоретическому или эмпирическому исследованию «эмоциональной безопасности»	Работа не посвящена исследованию эмоциональной безопасности
Представлено обоснование исследования	В работе отсутствует обоснование исследования
Наличие полнотекстовой версии и списка литературы	Отсутствие полнотекстовой версии
Язык: русский или английский	Язык: немецкий, французский, испанский и др.

Временные и географические рамки поиска. Обзор охватывал период с 1954 по 2023 гг. Выбор широкого временного диапазона обусловлен необходимостью включить ключевые теоретические работы (W.E. Blatz, P. Davies, M. Cummings), а также современные эмпирические данные. География поиска включала Россию, Беларусь, США, Великобританию, Канаду, Австралию и другие страны.

Методы извлечения и синтеза данных. После отбора полнотекстовых статей данные извлекались в специально разработанные регистрационные формы. В регистрационных формах были отмечены следующие пункты: название, автор, год, страна, определение эмоциональной безопасности в работе, на кого ссылается автор.

Для каждой работы фиксировались следующие параметры:

- Библиографические данные (автор, год, страна).
- Определение феномена «эмоциональная безопасность».
- Характеристики выборки (количество участников, возраст, статус).
- Методики и инструменты диагностики.
- Статистические методы обработки данных.
- Результаты и выводы.

В связи с методологической и содержательной гетерогенностью исследований (различия в дизайне, выборках и инструментах) проведение мета-анализа не представлялось возможным; данные синтезированы нарративно.

Первичный скрининг и отбор статей проводился одним из авторов. Окончательное решение о включении работ в синтез обсуждалось обоими авторами. Применение методологии PRISMA позволяет обеспечить прозрачность процедуры отбора.

Результаты

Представление результатов систематического обзора структурировано по этапам анализа выборки. В соответствии с процедурой отбора данных (PRISMA) в разделе используются 3 уровня агрегации работ:

1. Первичный поиск ($n = 121$): анализ всех идентифицированных записей до удаления дубликатов.

2. Итоговая выборка ($n = 69$): работы, включенные в систематический обзор после скрининга.

3. Эмпирические работы ($n = 26$): анализ методов эмпирических исследований.

Результаты поиска и характеристика выборки

На этапе идентификации выявлена 121 публикация, посвященная эмоциональной безопасности. Процесс отбора исследований представлен на рис. 1.

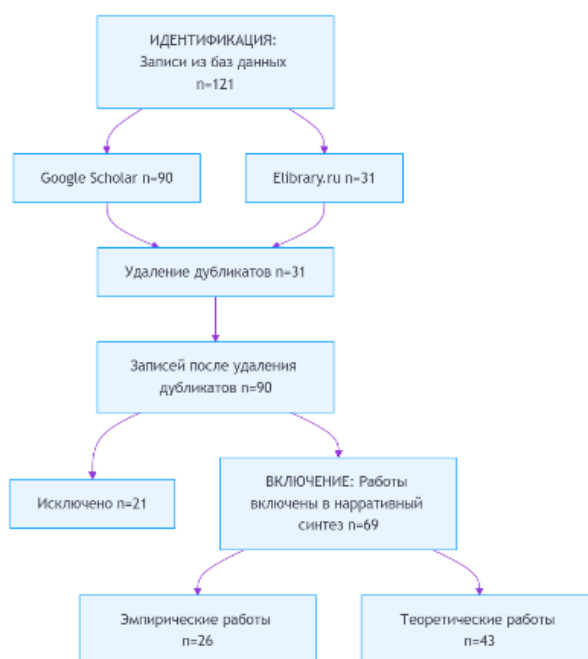

Рисунок 1. Блок-схема отбора исследований по методологии PRISMA

Figure 1. PRISMA flow diagram of study selection

Анализ распределения публикаций по периодам показал, что 65,3 % работ (79 из 121) опубликованы за последнее десятилетие (2011–2023 гг.), что свидетельствует о росте интереса к феномену эмоциональной безопасности. Ранние работы (1954–2000 гг.) составляют 6,6 % выборки (8 работ).

Большинство работ было найдено в базе Google Scholar (90 работ; 74,4 %), что отражает широкий охват источников на русском и английском языках. В базе Elibrary.ru была выявлена 31 работа (25,6 %), опубликованная на русском языке.

Распределение работ по ключевым словам представлено в табл. 2.

Таблица 2. Распределение работ по ключевым словам ($n = 121$)

Запрос	Кол-во статей	Год	База данных
Эмоциональная безопасность	31	2012–2023	Elibrary
Emotional safety	15	1988–2020	Google Scholar
Emotional security	34	1954–2020	Google Scholar
W.E. Blatz	16	1969–2021	Google Scholar
Эмоциональная безопасность	25	1954–2021	Google Scholar
Всего	121	1954–2023	Google Scholar, Elibrary

Как видно из табл. 2, запрос «emotional security» позволил обнаружить 34 работы (28,1 %), запрос «emotional safety» 15 работ (12,4 %), запрос «W.E. Blatz» 16 работ (13,2 %). По запросу «эмоциональная безопасность» было выявлено 56 работ (46,3 % от общего числа). Таким образом, распределение работ по поисковым запросам отражает терминологическую вариативность феномена: в англоязычной традиции используются два термина («emotional security» и «emotional safety»), в отечественной – термин «эмоциональная безопасность», охватывающий оба аспекта. Это потребовало проведения дальнейшего содержательного анализа.

После удаления дубликатов ($n = 90$) и проверки в соответствии с критериями включения было отобрано 69 публикаций. Географический анализ финальной выборки показал концентрацию исследований в двух странах: Россия (47,8 %) и США (26,1 %). Работы из Беларуси (10,1 %), Великобритании (5,8 %) и Канады (5,8 %) представлены в меньшей степени.

Для выявления направлений исследования эмоциональной безопасности был проведен контент-анализ определений феномена. Обнаружено, что научные представления группируются вокруг 2 смысловых полей:

1. Эмоциональная безопасность среды: определения фокусируются на внешних условиях (семейный климат, межродительские конфликты, образовательная среда). Безопасность рассматривается как характеристика окружения [6; 7; 8; 27; 28].

2. Эмоциональная безопасность личности: определения фокусируются на внутренних свойствах личности (чувство защищенности, состояние уверенности, способность к регуляции) [2; 11; 19].

На основании этого все 69 работ были разделены на две группы: эмоциональная безопасность среды (48 работ; 69,6 %) и эмоциональная безопасность личности (21 работа; 30,4 %). В рамках каждого направления выделены подкатегории, отражающие их терминологическую специфику.

Распределение работ по выделенным направлениям представлено в табл. 3.

Как видно из табл. 3, распределение работ по направлениям исследования неравномерно. Большинство работ посвящено эмоциональной безопасности среды (48 работ, 69,6 %), что в 2,3 раза превышает количество исследований эмоциональной безопасности личности (21 работа, 30,4 %).

Таблица 3. Распределение работ по направлениям исследования ($n = 69$)

Направление исследования / Подкатегория	Кол-во работ	%	Участники	%	Медианный размер выборки
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДЫ	48	69,6	4 378	88,1	91,2
Семейная	25	36,2	4 008	80,7	160,3
Образовательная	23	33,3	370	7,4	16,1
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	21	30,4	591	11,9	20,0
Чувство защищенности	10	14,5	397	8,0	39,7
Состояние уверенности	3	4,3	60	1,2	20,0
Способность к регуляции	8	11,6	134	2,7	16,8
ИТОГО	69	100	4 969	100	

Примечание: данные об участниках приведены для демонстрации масштаба исследований по каждому направлению.

В рамках направления «эмоциональная безопасность среды» работы распределяются почти поровну между семейным (25 работ, 36,2 %) и образовательным (23 работы, 33,3 %) контекстами.

В направлении «эмоциональная безопасность личности» преобладают исследования, в которых эмоциональная безопасность рассматривается как чувство защищенности (10 работ, 14,5 %), тогда как определения эмоциональной безопасности как состояние уверенности (3 работы, 4,3 %) и способность к регуляции (8 работ, 11,6 %) представлены реже.

Общий объем выборки включенных исследований составил 4 969 участников. При этом в исследованиях эмоциональной безопасности среды приняли участие 88,1 % всех испытуемых (4 378 человек), а в исследованиях эмоциональной безопасности личности 11,9 % (591 человек). Медианный размер выборки варьируется от 16,1 (образовательная среда) до 160,3 (семейная среда), что отражает различия в дизайне и масштабе исследований.

Таким образом, систематический обзор выявил преобладание исследований эмоциональной безопасности среды над исследованиями эмоциональной безопасности личности. Это распределение отражает исторически сложившийся фокус научного интереса: от работ Р. Davies и М. Cummings о влиянии семейной среды [27] до современных отечественных исследований образовательного контекста [4; 6].

Для дальнейшего анализа были выделены 26 эмпирических работ из 69 (37,7 %). Извлечены данные о выборке, методах сбора и обработки данных. Оценка качества эмпирических работ проводилась по критериям GRADE [9]. 46 % исследований получили высокий уровень достоверности, 46 % умеренный, 8 % низкий. Распределение диагностического инструментария по частотности использования представлено в табл. 4.

Таблица 4. Частотность методик в эмпирических исследованиях (n = 26)

Методика (Название / Аббревиатура)	Автор	Кол-во работ	%	Направление исследований
Шкала восприятия межродительских конфликтов (CPIC)	Grych J.H., Seid M., Fincham F.D., 1992	8	30,8	Среда (семья)
Безопасность в межродительской подсистеме (SIS)	Davies P.T., Forman E.M., 2002	6	23,1	Среда (семья)
Шкала ситуативной и личностной тревожности (STAI)	Spielberger Ch.D., 1970; адаптация Ханина Ю.Л., 1976	5	19,2	Личность
Опросник эмоциональной безопасности образовательной среды	Березина Т.Н., 2013	5	19,2	Среда (школа)
Опросник эмоциональной безопасности личности	Зотова О.Ю., 2015	4	15,4	Личность
Психологическая диагностика безопасности образовательной среды (ПБОС)	Баева И.А., 2011	3	11,5	Среда (школа)
Прочие методики	–	5	19,2	Смешанный
Итого упоминаний		36	138,5	

Примечание: сумма превышает 26, а сумма процентов превышает 100 %, т. к. в некоторых исследованиях использовалось несколько методик.

Выборка. В 11 исследованиях выборка включала родителей, воспитателей или учителей. В 13 исследованиях респондентами выступали обучающиеся (школьники, студенты). В ряде исследований использовались смешанные выборки. Преобладание

студенческих и школьных выборок указывает на недостаточную изученность эмоциональной безопасности в других возрастных и иных (например, клинических) группах.

Диагностический инструментарий. В исследованиях эмоциональной безопасности среды (семейной и образовательной) используются опросники восприятия окружения:

- Семейная среда: Шкала детского восприятия межродительских конфликтов (CPIC; Grych J.H., Seid M., Fincham F.D., 1992), Шкала безопасности в межродительской подсистеме (SIS; Davies P.T., Forman E.M., 2002).

- Образовательная среда: Опросник психологической диагностики безопасности образовательной среды (ПБОС; Баева И.А., 2011), Опросник эмоциональной безопасности образовательной среды Т.Н. Березиной.

В исследованиях эмоциональной безопасности личности преобладают методики диагностики психологических характеристик:

- Шкала ситуативной и личностной тревожности (STAI; Spielberger D., 1970; адаптация Ханина Ю.Л., 1976);

- Опросник эмоциональной безопасности личности (Зотова О.Ю., 2015).

Как мы видим, используемый психодиагностический инструментарий дихотомичен: происходит разделение средового и личностного аспектов эмоциональной безопасности, что ограничивает исследование эмоциональной безопасности как целостного феномена. Однако разнообразие диагностического инструментария ограничивает возможность прямого сопоставления результатов. Такие различия обуславливают необходимость раздельного качественного синтеза по двум направлениям.

Математические методы обработки данных. Для статистической обработки данных в работах применялись: корреляционный анализ (коэффициенты Пирсона, Спирмена) 37,5 % работ, моделирование структурных уравнений (SEM) 16,7 %, дисперсионный анализ 12,5 %, непараметрические критерии для сравнительного анализа (U-критерий Манна Уитни, Т-критерий Вилкоксона, Н-критерий Краскела Уоллиса) 12,5 %.

Преобладание корреляционного анализа указывает на констатирующий характер большинства исследований. Только в 16,7 % работ авторы используют SEM, что позволяет моделировать причинно-следственные взаимосвязи (например, Davies P., Cummings E., 2002). Преобладание среди статистических методов обработки данных корреляционного анализ не позволяет осуществлять содержательный анализ причин и закономерностей эмоциональной безопасности.

В следующем разделе представлены результаты интерпретации содержательных характеристик исследований эмоциональной безопасности среды и личности.

Нарративный синтез результатов

Историко-теоретические основы

Перед рассмотрением современных подходов к эмоциональной безопасности необходимо обратиться истокам изучения данного феномена. Основоположником изучения эмоциональной безопасности считается канадский психолог Уильям Эмерсон Блатц (William E. Blatz, 1895–1964). Именно он впервые разработал теорию безопасности, ставшую фундаментом для последующих исследований эмоциональной безопасности среды и личности [22; 41].

W.E. Blatz рассматривал безопасность как состояние, возникающее при удовлетворении базовых потребностей и позволяющее личности эффективно взаимодействовать с окружающей средой [22; 41]. В его работах выделяются 3 ключевых компонента чувства безопасности [41]:

- 1) внутренняя безопасность уверенность в собственной способности справиться с трудностями;
- 2) внешняя безопасность доверие к окружающим людям и социальной среде;
- 3) прогнозируемость способность предвидеть последствия собственных действий.

Итак, безопасность представляет собой состояние, в котором человек готов принять последствия своего поведения и эффективно взаимодействовать с окружающей средой. Человек, ощущающий безопасность, лучше адаптируется к новым условиям и успешнее справляется с жизненными задачами. Данная идея получила дальнейшее развитие в современных исследованиях психологического благополучия и адаптации [18; 19].

На основании теории W.E. Blatz о безопасности как состоянии, возникающем при удовлетворении базовых потребностей и позволяющем личности эффективно взаимодействовать с окружающей средой, можно выделить 2 направления развития исследований.

1. Эмоциональная безопасность среды. Идеи W.E. Blatz оказали влияние на научные взгляды М. Эйнсворт (M. Ainsworth), которая впоследствии совместно Дж. Боулби (J. Bowlby) трансформировала концепцию «чувства безопасности» в теорию привязанности [20]. В дальнейшем Р. Davies и Е. Cummings интегрировали эти идеи в теорию эмоциональной безопасности в межродительской системе, где «эмоциональная реактивность» и «внутренние репрезентации» восходят к блатцовским компонентам внутренней и внешней безопасности [25; 26; 27; 30]. Таким образом, в направлении «Эмоциональная безопасность среды» прослеживается преемственность как в теоретических основаниях, так и в методологических подходах, восходящих к исследованиям W.E. Blatz.

2. Эмоциональная безопасность личности. Концепция W.E. Blatz о безопасности как способности к эффективному взаимодействию со средой легла в основу современных определений и у отечественных авторов. Определение Н.И. Акопян эмоциональной безопасности как «способности адекватно оценивать ситуацию» [2] и концепция О.Ю. Зотовой об «уверенности в своих силах» [10] продолжают традицию W.E. Blatz.

Наряду с концептуальным наследием, W.E. Blatz также оказал влияние на последующие исследования. В лаборатории детского развития при Университете Торонто (1925–1964) W.E. Blatz разработал методы лонгитюдного наблюдения за развитием безопасности у детей [41]. Его теоретические идеи стали предшественниками процедуры «Странной ситуации» М. Эйнсворт и легли в теоретическую основу методики «Безопасность в межродительской подсистеме» (SIS) [29], широко используемой в современных исследованиях. Таким образом, в направлении «Эмоциональная безопасность личности» прослеживается преемственность как в определениях, так и в методах, восходящих к работам W.E. Blatz.

Данное концептуальное разделение находит свое подтверждение и конкретизацию в эмпирических исследованиях, представленных в систематическом обзоре.

Эмоциональная безопасность среды

Как показано в табл. 3, исследования эмоциональной безопасности среды представлены двумя контекстами: семейным и образовательным.

Семейный контекст. Большинство исследований эмоциональной безопасности в семье сосредоточено на влиянии межродительских конфликтов на психологическую адаптацию ребенка. Ключевыми предикторами снижения эмоциональной безопасности выступают частота и деструктивность конфликтов, а также наличие психопатологии у родителей (например, депрессивные расстройства).

Значительный вклад в изучение этой проблемы внесли P. Davies и M. Cummings, разработавшие теорию эмоциональной безопасности (Emotional Security Theory, EST) [27]. Опираясь на положения теории привязанности [20], авторы сосредоточились на системе отношений «ребенок – родитель» как ключевом факторе развития эмоциональной безопасности. Согласно EST, эмоциональная безопасность рассматривается как латентная регуляторная система ребенка, активируемая средовыми факторами (межродительскими конфликтами) и обеспечивающая адаптацию в условиях стресса. Система включает 3 компонента:

- 1) эмоциональная реактивность (интенсивность эмоционального отклика на конфликт);
- 2) внутренние репрезентации (представления о стабильности и сплоченности семейной системы, включая когнитивные оценки угрозы ее целостности);
- 3) регуляция поведения (стратегии совладания: вовлечение или избегание в контексте межродительского конфликта).

Результаты исследований подтвердили, что наиболее негативное влияние на ребенка оказывают частые, неразрешенные конфликты, характеризующиеся враждебностью и вербальной агрессией. Конструктивные конфликты, завершающиеся примирением, не приводят к снижению эмоциональной безопасности [24; 25; 26; 28; 29; 30].

Важно отметить, что компонент «регуляция поведения» присутствует и в определениях эмоциональной безопасности личности. Однако в направлении «Эмоциональная безопасность личности» регуляция рассматривается не как реактивный механизм в ответ на конкретный средовой стрессор, а как проактивная способность личности к совладанию с широким спектром угрожающих ситуаций. Таким образом, ключевое различие заключается не в наличии/отсутствии регуляторного механизма, а в источнике активации (внешний конфликт vs внутренние ресурсы) и контексте применения (семейная система vs индивидуальная адаптация).

В лонгитюдных исследованиях было показано, что стратегии совладания (вовлечение/избегание) являются адаптивными в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе связаны с риском развития психопатологии [35; 39]. Нарушение эмоциональной безопасности коррелирует с симптомами интернализации (тревога, дисфория, самообвинение) и экстернализации (агрессия, поведенческие проблемы) [23; 27; 28]. Это свидетельствует о том, что эмоциональная безопасность выступает в роли медиатора между семейным стрессом и психологической адаптацией ребенка [24; 30].

Отдельное направление исследований посвящено влиянию родительской психопатологии на эмоциональную безопасность и адаптацию ребенка. Р. Kouros, E. Merrilees и M. Cummings установили, что клиническая депрессия у отцов усиливает негативное влияние межродительского конфликта на эмоциональную безопасность ребенка [39]. Важно отметить, что если материнская депрессия изучена достаточно подробно, то роль отцовской депрессии стала предметом изучения сравнительно недавно, что объясняет фокус авторов на этой переменной.

Наиболее выраженные эффекты межродительского конфликта наблюдаются в младшем школьном и подростковом возрасте (6–17 лет), когда ребенок приобретает способность интерпретировать конфликт как сигнал опасности для целостности семьи, что активирует систему эмоциональной безопасности [23; 27].

Таким образом, в зарубежной традиции доминирует теоретический подход, в рамках которого эмоциональная безопасность рассматривается как механизм регуляции в условиях семейного стресса.

Образовательный контекст. В работах, посвященных эмоциональной безопасности образовательной среды, на основании объекта изучения можно выделить 2 направления.

Первое направление (преимущественно отечественные авторы: Т.Н. Березина, О.В. Яровая и др.) фокусируется на характеристиках самой образовательной среды. Эмоционально безопасная образовательная среда определяется как пространство, способствующее увеличению частоты и интенсивности позитивных эмоций и минимизации негативных переживаний [6; 7]. В эмпирических работах этого направления к основным источникам угрозы относят академические неудачи, экзаменационный стресс и трудности в коммуникации со сверстниками [1; 7; 14; 16; 17].

Второе направление (преимущественно зарубежные авторы: A. Litvack, M. Tew, H.M.Y. Koomen и др.) акцентирует внимание на межличностных отношениях между участниками образовательного процесса. Поддержание эмоциональной безопасности связывается с наличием доверительного контакта между учеником, преподавателями и сверстниками. В частности, D.P. Dressel и F. Konukman описывают эффективность коммуникативных упражнений, проводимых в образовательном процессе, способствующих формированию групповой сплоченности [21; 27; 31; 37].

Таким образом, если в семейном контексте доминирует единая теоретическая модель (P. Davies, M. Cummings), то в образовательном контексте наблюдается терминологическая вариативность: отечественные авторы рассматривают эмоциональную безопасность как характеристику среды (условие), а зарубежные как результат качественных межличностных отношений (фактор). Это различие отражает подходы к пониманию феномена: от эмоциональной безопасности как объективного параметра организации к эмоциональной безопасности как субъективному переживанию в отношениях. Логичным продолжением анализа является обращение к уровню личности, где эмоциональная безопасность предстает не как условие или результат взаимодействия, а как интегральная характеристика самого субъекта.

Эмоциональная безопасность личности

Анализ определений позволил выделить 3 основных подхода к пониманию феномена: эмоциональная безопасность как чувство защищенности, как состояние уверенности и как способность к регуляции.

Чувство защищенности. В рамках этого подхода эмоциональная безопасность рассматривается как субъективное переживание личной защищенности и принятия. О.С. Солодухина обнаружила взаимосвязь эмоциональной безопасности и субъективного благополучия у студентов. Респонденты с высоким уровнем эмоциональной безопасности демонстрировали уверенность в себе, активность и эффективность в социальном взаимодействии. Напротив, группа с низким уровнем безопасности показала высокие показатели эмоционального дистресса: неудовлетворенность собой, отсутствие доверия к окружающим и трудности в регуляции эмоций [18]. Автор предполагает, что эмоциональная безопасность снижает уровень тревоги и высвобождает психологические ресурсы, что позволяет поддерживать субъективное благополучие. Это свидетельствует о том, что эмоциональная безопасность может рассматриваться как ресурс психологического здоровья.

Л.М. Управителева определяет эмоциональную безопасность как чувство защищенности и переживание эмоционального благополучия, т. е. стабильного положительного, душевно комфортного состояния. В работе описаны 6 типов угроз эмоциональной безопасности: обстоятельства непреодолимой силы, культуральные вызовы, неэкологичный режим труда и отдыха, коммуникационные, экзистенциальные и психологические угрозы. Для сохранения эмоциональной устойчивости и благополучия необходимо личностное развитие и осознанная идентичность [19]. Кроме того, сформулированы 4 принципа эмоциональной безопасности: осознанная идентичность, личные границы, контакт с чувствами и личные опоры. В этой трактовке безопасность понимается как глубинное субъективное переживание, которое поддерживается через работу с внутренними опорами и принятие ответственности за свой выбор.

Состояние уверенности. В ряде исследований эмоциональная безопасность в социальном и межкультурном контексте концептуализируется как состояние уверенности в себе и своих ресурсах. Чувство безопасности является процессуальным явлением, отражающим устойчивое эмоциональное отношение личности к значимому объекту, которое находится в гармоничном либо противоречивом взаимодействии с актуальным эмоциональным состоянием. Базовой единицей анализа здесь выступают социальные условия, в которых психические состояния отражают адаптационные процессы социализации личности.

N. Tananuraksakul, D. Hall исследовали восприятие чувства безопасности иностранными студентами, изучающими английский язык в Австралии. Все участники исследования соответствовали минимальным требованиям языковой компетенции (IELTS), при этом чувство безопасности определялось не объективными показателями, а субъективным восприятием собственной способности коммуницировать [45]. Авторы установили, что уверенность выступает ключевым фактором сохранения чувства достоинства субъективного переживания собственной ценности и компетентности в межкультурном взаимодействии и уверенности в коммуникативной компетентности. Дефицит уверенности

создает угрозу чувству защищенности в рамках социального взаимодействия. Восприятие безопасности является культурно обусловленным: часть участников реагировали на негативные эмоции в соответствии с культурными нормами выражения чувств, тогда как другие оценивали безопасность через призму чувства достоинства и качества межличностных отношений. В рамках данного подхода безопасность трактуется как ситуативное состояние уверенности субъекта в межкультурном контексте.

Способность к регуляции. В рамках этого подхода эмоциональная безопасность рассматривается как способность к пониманию и регуляции эмоций. Важно отметить принципиальное отличие эмоциональной безопасности от эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность когнитивных способностей по распознаванию, пониманию и управлению эмоциями это инструмент эффективного социального взаимодействия. Эмоциональная безопасность — это субъективное чувство защищенности, возникающее в результате успешной регуляции эмоций и характеризующееся уверенностью в собственных внутренних ресурсах для противостояния новым угрозам [11]. Таким образом, эмоциональный интеллект — это предпосылка, а эмоциональная безопасность результат его применения в контексте жизненного пути личности.

О.Ю. Зотова отмечает, что эмоциональная безопасность влияет на отношение человека к жизни и способность формировать доверительные отношения. Согласно результатам исследований, эмоциональная безопасность может рассматриваться как психологический ресурс для открытого взаимодействия. Автор еще раз подчеркивает, что генезис эмоциональной безопасности прослеживается с младенчества через привязанность к родителям и способствует формированию установок на мир и будущее [11].

Рассматривая эмоциональную безопасность как способность к регуляции, Н.И. Акопян в ходе исследований с участием детей с легкой интеллектуальной недостаточностью подтверждает ее адаптационную функцию. Переживание уверенности в своих силах за счет понимания и регуляции собственных эмоций способствует усилению общей психологической безопасности, которая позволяет личности успешно социализироваться [2]. Эмоциональная и психологическая безопасность близкие, но не тождественные понятия: эмоциональная безопасность является компонентом психологической. В этой трактовке эмоциональная безопасность понимается как способность (навык), который можно развивать для повышения адаптивности, при этом термин «способность» акцентирует потенциал, а «навык» практическую реализуемость этого потенциала.

Отметим, что в направлении «Эмоциональная безопасность личности» наблюдается терминологическая вариативность: авторы концептуализируют конструкт как чувство защищенности, состояние уверенности или способность к регуляции. Отечественные авторы чаще рассматривают безопасность как чувство защищенности или способность к регуляции, тогда как зарубежные авторы акцентируют состояние уверенности в условиях межкультурного взаимодействия. Это различие отражает фокус исследований: на внутренних переживаниях и навыках (отечественные) vs на ситуативно обусловленных состояниях (зарубежные). Отсутствие единой операционализации затрудняет сопоставление

результатов эмпирических исследований и требует разработки единого определения конструкта «эмоциональная безопасность личности» для дальнейшего развития области.

Сравнительная характеристика подходов. На основании проведенного синтеза данных выявлены два доминирующих направления концептуализации эмоциональной безопасности: безопасность среды и безопасность личности. Первое направление фокусируется на внешних условиях развития (семья, школа), второе на внутренних переживаниях и компетенциях субъекта. Ключевые различия между подходами касаются определений, контекстов, факторов влияния и диагностического инструментария (табл. 5).

Таблица 5. Сравнительная характеристика подходов к эмоциональной безопасности

Параметр	Эмоциональная безопасность среды	Эмоциональная безопасность личности
Определение	Характеристика окружения (семейного, образовательного); регуляторная система личности в ответ на средовые угрозы (EST, Davies P., Cummings M., 1994)	Три подхода: (1) чувство защищенности и принятия; (2) ситуативное состояние уверенности; (3) способность к пониманию и регуляции эмоций
Контекст	Семейный (межродительские конфликты), образовательный (адаптация, климат)	Индивидуальное благополучие, межкультурная коммуникация, жизненный путь, социализация
Факторы	Характер конфликтов (деструктивный/конструктивный), привязанность, поддержка взрослых, родительская психопатология	Уверенность в силах, эмоциональная устойчивость, культурные нормы (face, display rules), идентичность, копинг-стратегии
Методы	CPIC (Grych et al., 1992), SIS (Davies P., Forman E., 2002), ПБОС (Баева И.А., 2011), авторские опросники (Т.Н. Березина)	STAI (Spielberger C.D., 1970; адаптация Ю.Л. Ханиной, 1976), Опросник эмоциональной безопасности личности (Зотова О.Ю., 2015)
Выборка	Дети, подростки, родители (медиана = 91,2)	Студенты, школьники, взрослые (медиана = 20,0)
Результат	Адаптация ребенка, риск интернализации/экстернализации проблем, психопатология	Социальное взаимодействие, совладание с тревогой, сохранение «лица» и идентичности, социализация
Культурный фокус	Преимущественно Запад: семейный конфликт; преимущественно Россия: образовательная адаптация	Запад: межкультурная коммуникация; Россия: субъективное благополучие
Риски изоляции	Игнорирование ресурса устойчивости личности	Игнорирование влияния средовых факторов (семейных, образовательных) на формирование эмоциональной безопасности; риск чрезмерной индивидуализации конструкта без учета контекста

Важно отметить, что несмотря на различия, эти подходы не являются взаимоисключающими. Теория эмоциональной безопасности демонстрирует возможность их интеграции, рассматривая безопасность как регуляторную систему, активируемую средовыми факторами. Однако в проанализированной выборке исследования преимущественно разделены по этому признаку, что требует дальнейшего концептуального согласования.

Представленные в табл. 5 различия в определениях, контекстах и методах служат основанием для дальнейшей интерпретации выявленных закономерностей в следующем разделе.

Обсуждение

Настоящий систематический обзор выявил преобладание исследований эмоциональной безопасности среды (69,6 %) над исследованиями эмоциональной безопасности личности (30,4 %). В рамках направления «Эмоциональная безопасность среды» доминирует теоретическая модель Р. Davies и М. Cummings (Emotional Security Theory), где среда и личность образуют неразрывный континуум. В направлении «Эмоциональная безопасность личности» наблюдается терминологическая вариативность: эмоциональная безопасность концептуализируется как чувство защищенности, состояние уверенности или способность к регуляции. Такое разнородное содержание понятия эмоциональной безопасности препятствует формированию целостного конструкта, созданию универсального диагностического инструментария и соответствующих протоколов для реализации профессиональной практической деятельности.

Выявлено преобладание исследований эмоциональной безопасности среды, что может быть обусловлено несколькими факторами: историческими и методологическими. Если рассматривать логику развития научного интереса, то средовой подход последовательно доминирует как в классических концепциях влияния семейной системы на эмоциональную безопасность ребенка, так и в актуальных психолого-педагогических исследованиях. Параметры указанных систем могут быть более точно операционализированы через конкретные индикаторы, нежели характеристики личности, декомпозиция которых требует предварительного эмпирического выявления «ядра» эмоциональной безопасности [26; 27]. Это объясняет преобладание исследований эмоциональной безопасности среды: поскольку Emotional Security Theory (EST) начинается с анализа семейного контекста, большинство работ классифицируются как «Эмоциональная безопасность среды», хотя механизмы безопасности описываются на уровне индивидуальной регуляции. Таким образом, EST служит «концептуальным мостом» между средой и личностью, что подтверждает тезис об их взаимной обусловленности [12; 46].

Эмоциональная безопасность среды и личности являются сопряженными, но содержательно автономными конструктами. Первая определяется внешним контекстом отношений (поддержка, привязанность, межличностные связи), в то время вторая сама по себе выступает внутренним контекстом, базирующимся на базовом доверии к себе и окружающему миру [12]. Эмоциональная безопасность опосредует взаимоотношения между средой и личностью, не сводясь ни к одному из этих полюсов. Так, среда «предлагает возможности» для эмоциональной регуляции, формирования доверия и уверенности, которые соотносятся с актуальными потребностями личности [38; 44]. На психофизиологическом уровне эта взаимообусловленность представлена системой регуляции состояний, осуществляющейся через баланс двух систем: обнаружения угроз (тревога, избегание) и аффилиации (спокойствие, социальная вовлеченность) [33; 42]. Следовательно, эмоциональная безопасность — это динамическое состояние, которое постоянно поддерживается процессом активного взаимодействия субъекта со средой. Обозначенная взаимная обусловленность эмоциональной безопасности среды и личности согласуется с критикой традиционного дуализма «организм среда» в современной

теоретической психологии: ни один из полюсов не может быть понят изолированно, поскольку они конституируют друг друга в процессе взаимодействия [36].

Терминологическая вариативность в рамках направления «Эмоциональная безопасность личности» указывает на отсутствие консенсуса в операционализации конструкта, что затрудняет сопоставление результатов эмпирических исследований. Также необходимо разграничивать понятия «эмоциональный интеллект» и «эмоциональная безопасность». Если эмоциональный интеллект ориентирован на распознавание и управление эмоциями, то эмоциональная безопасность является собой базисное чувство защищенности. Следовательно, функционально эмоциональный интеллект обеспечивает социальную эффективность, а эмоциональная безопасность создает условия для психического здоровья личности.

Изолированное изучение эмоциональной безопасности среды и личности имеет методологические риски. При изучении исключительно эмоциональной безопасности среды могут не учитываться личностные ресурсы формирования и поддержания устойчивости. Аналогично при изучении только личностных характеристик существует высокая вероятность оставить без внимания средовые угрозы. Так, например, в результате актуальных исследований обнаружена отрицательная связь между подверженностью киберзапугиванию и эмоциональной безопасностью у подростков [32]. Как мы видим, проведение подобного исследования требуют одновременного учета средовых (характер онлайн-взаимодействий) и личностных факторов (копинг-стратегий).

Анализ работ показал географические и предметные различия: в США (26,1 %) изучают влияние междоусобных конфликтов на эмоциональную безопасность личности, в России (47,8 %) влияние образовательной среды. Необходимо учитывать вариативность в оценке угроз эмоциональной безопасности. Так, регулярные деструктивные отношения в семье могут квалифицироваться либо как «межличностный конфликт», либо как «психологическое насилие» [34; 43], что указывает на имеющиеся разночтения в интерпретации угроз эмоциональной безопасности. Следовательно, при адаптации психодиагностического инструментария требуется принимать во внимание социокультурный контекст создания методик. Принципиальное значение имеет целостное описание конструкта «эмоциональная безопасность», исключающее искусственное разделение субъекта и жизненной среды [36; 44].

Заключение

Проведенный систематический обзор позволяет констатировать, что в современном научном поле сформировались два магистральных подхода к изучению эмоциональной безопасности: эмоциональная безопасность среды и эмоциональная безопасность личности. Несмотря на различия в предметном поле, операционализации и методическом аппарате, оба направления сходятся в том, что эмоциональная безопасность выступает ключевым медиатором между внешними условиями и психологическим благополучием субъекта.

Основные выводы исследования.

1. Эмоциональная безопасность многомерный, контекстуально детерминированный конструкт. Анализ включенных работ ($n = 69$) свидетельствует об устойчивой взаимосвязи эмоциональной безопасности с показателями психологического здоровья. Нарушение

эмоциональной безопасности коррелирует с развитием экстернализирующих (агрессия, поведенческие проблемы) и интернализирующих (тревога, дисфория, самообвинение) симптомов, которые являются предикторами психопатологических расстройств и ассоциируются с повышенным риском психосоматических нарушений.

2. Подходы носят взаимодополняющий, а не альтернативный характер. В исследованиях эмоциональной безопасности среды внимание акцентировано на деструктивных факторах окружения (межродительские конфликты, образовательный климат), тогда как в исследованиях эмоциональной безопасности личности на внутренних ресурсах совладания и устойчивости (эмоциональная регуляция, уверенность, копинг-стратегии). В связи с этим перспективным направлением видится интеграция средового и личностного подходов в рамках транзакционных моделей, учитывающих динамическое взаимодействие внешних условий и внутренних ресурсов, что особенно актуально в контексте новых средовых вызовов (кибервиктимизация, цифровая социализация)

3. Интеграция подходов необходима для разработки эффективных интервенций. Перспективным направлением видится создание комплексных диагностических и коррекционных программ, учитывающих как контекстуальные факторы (семья, школа, цифровая среда), так и личностные ресурсы (эмоциональная регуляция, самооффективность, базовое доверие).

Практическая значимость

Результаты обзора могут быть полезны:

- Клиническими психологами для двухуровневой диагностики: оценки объективных параметров среды (конфликты, климат) и субъективных ресурсов личности (копинг-стратегии, самооффективность). Снижение показателей эмоциональной безопасности может служить ранним маркером неблагополучия.

- Школьными психологами и педагогами для разработки поэтапных интервенций: от оптимизации образовательной среды (снижение деструктивных конфликтов, формирование доверительных отношений «учитель ученик») к развитию личностных ресурсов (эмоциональная регуляция, укрепление уверенности).

- Ученым-исследователями для разработки интегральных моделей, объединяющих средовое и личностное направления исследований в рамках транзактного подхода, в том числе для цифровой среды (профилактика кибервиктимизации, онлайн-коммуникация).

Ограничения исследования. При интерпретации результатов важно учитывать следующие ограничения.

- Дизайн отбора: первичный скрининг и отбор статей проводился одним из авторов, что не позволило в полной мере оценить межэкспертную надежность.

- Источниковая база: поиск проводился в двух базах данных (Google Scholar, Elibrary.ru), что могло привести к пропуску релевантных работ из рецензируемых источников (Scopus, Web of Science, PsycINFO).

- Языковые ограничения: в обзор включены работы только на русском и английском языках, что может сужать культурно-географический контекст (исключены немецкие, французские, испанские источники).

- Методологическая гетерогенность: в 38,5 % включенных исследований использовались уникальные авторские методики, что затрудняет прямое сопоставление результатов и проведение мета-анализа.

- Дисбаланс типов работ: теоретические публикации (60,9 %) преобладают над эмпирическими (37,7 %), что свидетельствует о процессе концептуализации проблемы эмоциональной безопасности, но при этом ограничивает возможность верификации детерминант эмоциональной безопасности и механизма ее формирования.

Выявленные ограничения позволяют определить векторы будущих исследований:

- проведение лонгитюдных исследований с целью верификации каузальных связей между эмоциональной безопасностью и психологической адаптацией, а также изучения динамики и устойчивости типов привязанности на разных этапах онтогенеза;

- расширение эмпирической базы за счет включения респондентов зрелого возраста и представителей клинической популяции;

- изучение эмоциональной безопасности в новом контексте цифровой среды как фактора для эмпирической проверки влияния кибервиктимизации, виртуальной социализации, а также специфики онлайн-коммуникаций на психологическое благополучие личности.

Таким образом, эмоциональная безопасность выступает связующим конструктом в системе «личность среда», обладая эмерджентными свойствами, не сводимыми к отдельным явлениям. Перспективным направлением является отказ от дихотомического разделения внешних и внутренних факторов в пользу холистических моделей, описывающих их непрерывную функциональную взаимозависимость.

Библиографический список

1. Авраменко Т.С. Развитие межличностных взаимоотношений старшеклассников как фактор эмоциональной безопасности образовательной среды // Психология обучения. 2017. № 12. С. 126–145. EDN: ZVMPVZ
2. Акопян Н.И. Формирование эмоциональной безопасности у учащихся младшего школьного возраста с легкой интеллектуальной недостаточностью: автореф. дис. ... канд. пед. н. Минск, 2020. 30 с.
3. Асмолов А.Г. Системный подход общенаучная методология изучения человека // Методологические основы системного подхода в психологии: Хрестоматия / Сост. И.В. Герасимова. Владивосток: ДВГМА, 1999. С. 6–34.
4. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении. СПб.: Речь, 2006. 288 с.
5. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
6. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29–43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191 EDN: YMTDNQ
7. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и подлинные эмоции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 3. С. 16–22. EDN: RDKLDZ
8. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность субъектов образовательной среды как психологическая проблема // Человеческий капитал. 2013. № 9(57). С. 133–138. EDN: RTPUAX
9. Журавлева Н.И., Шубина Л.С., Сухоруких О.А. Обзор методик оценки достоверности научных доказательств и убедительности рекомендаций, применяемых при разработке клинических рекомендаций в Российской Федерации // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2019. № 1. С. 34–41. DOI: 10.17749/2070-4909.2019.12.1.34-41 EDN: BLZONX

10. Зотова О.Ю. Эмоциональная безопасность личности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. Т. 5. М.: Когито-Центр, 2015. С. 349–351.
11. Зотова О.Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути // Дискуссия. 2015. № 9(61). С. 76–84. EDN: UNDXRD
12. Игнатова Е.С. Эмоциональная безопасность личности vs эмоциональная безопасность среды // Психология личности: методология, теория, практика: сборник статей / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2024. С. 617–622. EDN: OPQVRU
13. Игнатова Е.С. Эмоциональный аспект безопасности // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 6. С. 161–165. EDN: ZLOBVN
14. Максимова Ю.Е., Караваева Л.П. Роль матери и отца в обеспечении эмоциональной безопасности ребенка // Современное образовательное пространство: психологическое благополучие и культура безопасности: сборник докладов межрегиональной конференции с международным участием, Екатеринбург, 15–16 февраля 2017 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 170–173. EDN YNZACP
15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
16. Наговец Л.Ю. Уверенность личности как психологический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 58–61. EDN: OYSBPR
17. Соколов Г.А. Оптимизация психоэмоционального состояния студентов в период сессии // Психолог. 2015. № 1. С. 28–43. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.1.13888 EDN: TDQBDR
18. Солодухина О.С. Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета, Екатеринбург, 12–13 апреля 2016 года. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 330–334. EDN: WEJFNL
19. Управителева Л.М. Эмоциональная безопасность: факторы устойчивости // Психология. Спорт. Здравоохранение: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 29 апреля 2021 года. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 64–67. DOI: 10.37539/PSM296.2021.24.76.002 EDN DJAJDN
20. Ainsworth M.D.S., Bowlby J. An ethological approach to personality development // American Psychologist. 1991. Vol. 46. P. 333–341. DOI: 10.1037/0003-066X.46.4.333 EDN: HFBUFV
21. Bartick-Ericson C. Attachment security and the school experience for emotionally disturbed adolescents in special education // Emotional and Behavioural Difficulties. 2006. Vol. 11, № 1. P. 49–60. DOI: 10.1080/13632750500393326
22. Blatz W.E. Decision // Canadian Journal of Psychology. 1958. Vol. 12, № 3. P. 143–148. DOI: 10.1037/h0083751
23. Buehler C., Lange G., Franck K.L. Adolescents' cognitive and emotional responses to marital hostility // Child Development. 2007. Vol. 78, № 3. P. 775–789. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2007.01032.x
24. Cummings E.M. et al. Interparental discord and child adjustment: Prospective investigations of emotional security as an explanatory mechanism // Child Development. 2006. Vol. 77, № 1. P. 132–152. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2006.00861.x
25. Davies P.T. Conceptual links between Byng-Hall's theory of parentification and the emotional security hypothesis // Family Process. 2002. Vol. 41, № 3. P. 551–555. DOI: 10.1111/j.1545-5300.2002.41317.x
26. Davies P.T., Cummings E.M. Exploring children's emotional security as a mediator of the link between marital relations and child adjustment // Child Development. 1998. Vol. 69, № 1. P. 124–139. DOI: 10.1111/j.1467-8624.1998.tb06138.x
27. Davies P.T., Cummings E.M. Marital conflict and child adjustment: an emotional security hypothesis // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 116, № 3. P. 387–411. DOI: 10.1037/0033-2909.116.3.387 EDN: HKCGBN
28. Davies P.T., Forman E.M. Children's patterns of preserving emotional security in the interparental subsystem // Child Development. 2002. Vol. 73, № 6. P. 1880–1903. DOI: 10.1111/1467-8624.t01-1-00512
29. Davies P.T. et al. Assessing children's emotional security in the interparental relationship: The Security in the Interparental Subsystem Scales // Child Development. 2002. Vol. 73, № 2. P. 544–562. DOI: 10.1111/1467-8624.00423
30. Davies P.T., Winter M.A., Cicchetti D. The implications of emotional security theory for understanding and treating childhood psychopathology // Development and Psychopathology. 2006. Vol. 18, № 3. P. 707–735. DOI: 10.1017/s0954579406060354

31. Dressel D.P., Konukman F. Breaking the Ice to Build Relationships: Using Icebreakers to Create New Relationships, Promote Emotional Safety, and Incorporate Social and Emotional Learning // *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 2020. Vol. 91, № 5. P. 51–54. DOI: 10.1080/07303084.2020.1739434 EDN: BISATP
32. Eweida R.S., Hamad N.I., Abdo R.A.E.H., Rashwan Z.I. Cyberbullying among adolescents in Egypt: A call for correlates with sense of emotional security and psychological capital profile // *Journal of Pediatric Nursing*. 2021. Vol. 61. Art. e99–e105. DOI: 10.1016/j.pedn.2021.05.008 EDN: BDGWDV
33. Gilbert P. Compassion and the soothing system: The neurophysiology of emotional safety // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2021. Vol. 28, № 3. P. 545–559. DOI: 10.1002/cpp.2567
34. Glaser D. Emotional abuse and neglect (psychological maltreatment): A conceptual framework // *Child Abuse & Neglect*. 2002. Vol. 26, № 6–7. P. 697–714. DOI: 10.1016/S0145-2134(02)00342-3
35. Harold G.T. et al. Marital conflict, child emotional security about family relationships and child adjustment // *Social Development*. 2004. Vol. 13, № 3. P. 350–376. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2004.00272.x EDN: GJKYJV
36. Heras-Escribano M., de Pinedo-García M. The history and philosophy of ecological psychology // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Art. 2228. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02228
37. Izard C.E. et al. Emotional determinants of infant-mother attachment // *Child Development*. 1991. Vol. 62, № 5. P. 906–917. DOI: 10.1111/j.1467-8624.1991.tb01579.x
38. Kiverstein J., Rietveld E. Enactivism and ecological psychology: The role of bodily experience in agency and emotion // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 539841. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.539841 EDN: PSAJTC
39. Kouros C.D., Merrilees C.E., Cummings E.M. Marital conflict and children's emotional security in the context of parental depression // *Journal of Marriage and Family*. 2008. Vol. 70, № 3. P. 684–697. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2008.00514.x
40. Moher D., Liberati A., Tetzlaff J., Altman D.G. Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses: the PRISMA Statement // *Annals of Internal Medicine*. 2009. Vol. 151, № 4. P. 264–269. DOI: 10.1371/journal.pmed.1000097
41. Pols H. Between the laboratory and life: child development research in Toronto, 1919-1965 // *History of Psychology*. 2002. Vol. 5, № 2. P. 135–162. DOI: 10.1037/1093-4510.5.2.135
42. Porges S.W. The polyvagal theory: Neurophysiological foundations of emotions, attachment, communication, and self-regulation. New York: W.W. Norton, 2020. 464 p.
43. Rees C. The influence of emotional neglect on development // *Paediatrics and Child Health*. 2008. Vol. 18, № 12. P. 527–534. DOI: 10.1016/j.paed.2008.09.003
44. Rietveld E., Kiverstein J. Affordances and landscapes: Overcoming the nature–culture dichotomy through niche construction theory // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 8. Art. 2290. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02290 EDN: YDZSLZ
45. Tananuraksakul N., Hall D. International students' emotional security and dignity in an Australian context: An aspect of psychological well-being // *Journal of Research in International Education*. 2011. Vol. 10, № 2. P. 189–200. DOI: 10.1177/1475240911410784
46. Veale D., Robins E., Thomson A.B., Gilbert P. No safety without emotional safety // *The Lancet Psychiatry*. 2023. Vol. 10, № 1. P. 65–70. DOI: 10.1016/S2215-0366(22)00373-X EDN: XUFTCU